

УДК 778.5.01.041+778.5.04.071

Кинохроника советских военных парадов 1941–1945 гг. как слагаемое образа победы: о некоторых «неэффективных» примерах

КАРАВАЕВ Д. Л.

Аннотация

В статье изучается иконография хроникальных съемок ряда ключевых парадов Великой отечественной войны, вошедших в хроникально-документальные фильмы, киновыпуски и киножурналы. Подчеркивается важнейшее значение кино в сакрализации образов победы, народа-триумфатора, где важнейшее место отведено «парадам-мемам», позволяющим в границах одного медиасобытия репрезентировать все указанные иконологические доминанты. Особое внимание уделено визуальной риторике хроникальных материалов, их монтажной структуре, драматургии, композиции, функциям авторской инстанции.

Ключевые слова

Документально-хроникальное кино, кинохроника, парад победы, Вторая мировая война, Великая отечественная война, военная история, союзники

UDC778.5.01.041+778.5.04.071

Newsreel of Soviet military parades 1941–1945 as a component of the image of victory: on some “ineffective” cases

KARAVAEV D. L.

Abstract

The article examines the iconography of chronicle films of a number of key parades of the Great Patriotic War, included in chronicle documentaries, film releases and newsreels. The author stresses that cinema in 20th century was an effective tool to sacralize the visual images of victory, the victorious people etc. The victory parades were used the authorities as media events — these could be compared to *meme* in contemporary mass culture, — where all these visual images could be represented. Special attention is paid to the visual rhetoric of chronicle films, their editing, composition, and Author's functions.

Key words

Documentary and chronicle films, newsreels, Victory Parade, World War II, Great Patriotic War, military history, allies

Парад в честь победы над военным противником — это, пожалуй, самый древний и самый распространенный способ мемориализации и сакрализации успешной военной кампании. Это тем более справедливо, когда такого рода ритуал сохраняется в истории в его буквальной визуальной ипостаси — с помощью скульптурного барельефа, живописного полотна или кинофильма. Также бесспорно, что в XX столетии главным продуцентом «парадов- мемов» и сакральных образов победы становится именно кинематограф. Применительно к победе СССР над нацистской Германией такого рода мем и сакральный образ был, безусловно, создан фильмом «Парад Победы» (1945, реж. В. Беляев, И. Венжер, Я. Посельский). Квинтэссенцией этой парадной хроники стали кадры бросания немецких знамен к трибунам Мавзолея на Красной площади.

Впрочем, элементом сакрального образа Победы с не меньшими основаниями стали кинокадры, запечатлевшие другой парад на Красной площади — парад 7 ноября 1941 г., который был проведен в заснеженной Москве в критической близости от наступавших на советскую столицу дивизий вермахта. Как правило, хроника этого парада, так или иначе, совмещалась с кадрами июньского парада 1945-го, парада Победы. Смысл монтажной связки этих двух парадов прочитывался достаточно легко: «мы смогли пройти победным маршем в июне сорок пятого именно потому, что доказали свою несокрушимую волю к победе ноябрьским парадом в сорок первом!».

Иконография парада 1941 г. сводится к нескольким кадрам, хорошо известным даже школьникам: это марширующая мимо мавзолея шеренга пехотинцев в припорошенных снегом шинелях, шеренги рабочего ополчения, колонна танков, проезжающая по Красной площади, и И. Сталин, выступающий с трибуны того же мавзолея. Однако если мы спросим, из какого фильма-первоисточника взяты эти кадры, то, скорее всего, даже специалист-киновед назовет фильм «Разгром немецких войск под Москвой» Л. Варламова и И. Копалина [1, с. 19–20]. Однако если мы пересмотрим фильм Варламова и Копалина, то увидим, что кадров с шеренгами, марширующими мимо мавзолея, там нет. Собственно, там нет даже упоминания о легендарном параде 1941 г. (ни в дикторском тексте, ни в титрах). Да, там упоминается, что «в эти грозные дни страна услышала Сталина», но не уточняется, где и при каких обстоятельствах это произошло. И показывается фрагмент знаменитой киносъемки речи Сталина на ноябрьском параде — которая, впрочем, как известно, была более поздней инсценировкой и была заснята с синхронной записью

звук 27 ноября 1941 г. в Свердловском зале Кремля [2]. Но, что еще важно, данная съемка производилась не для «Разгрома немецких войск под Москвой», а для звуковой версии фильма «24-й Октябрь» («24-й Октябрь. Речь Сталина»), режиссером которого был тот же Варламов. И именно оттуда же, из этой сегодня практически забытой картины впоследствии стали тиражироваться все перечисленные нами знаковые кадры, относящиеся к параду 7 ноября 1941 г. Но продолжительность тех фрагментов, которые мы перечислили — это полторы, максимум две минуты. А фильм «24-й Октябрь» — это две части, то есть почти 20 минут. Возникает резонный вопрос: почему же, в отличие от «Разгрома немецких войск под Москвой», фильм, всецело посвященный легендарному параду, для иконографии Победы, оказался невостребованным? Попросту говоря, почему его не показывают в телепрограммах к юбилейным датам? А все дело в том, что «24-й Октябрь», снятый и смонтированный почти

через полгода после начала войны, был сделан по законам военно-пропагандистских утопий конца 30-х гг. Когда смотришь его, создается впечатление, что едва ли не основной ударной силой Красной армии остаются запряженные четверками коней тачанки и кавалеристы с шашками «Еще не раз красная конница даст почувствовать врагу силу своего сабельного удара!» — торжественно предрекал диктор. Проход кавалерии сопровождался звуками легкомысленно-бравурного кавалерийского марша. Явно не соответствовали суровому патетическому настрою и лица смеющихся женщин, наблюдавших за парадом. На экране видно, что в колонне танковой техники из 160 машин преобладают устаревшие легкие танки БТ-7 и Т-60. Техника ПВО была представлена счетверенными «максимами» образца 1931, а среди артиллерийских орудий можно было распознать полевые пушки периода Первой мировой войны.

Из-за опоздания операторов на Красную площадь не удалось снять ритуал объезда войск принимающим парад маршалом С. Буденным. Более того, партийное и военное руководство страны весьма невыразительно показано даже на трибуне мавзолея. Есть всего три коротких (по 2–3 секунды) поясных плана Сталина в общей группе, в остальных же кадрах, показывающих трибуну, мы не сразу распознаем даже его фигуру, не говоря уже о лице. Довольно большой фрагмент фильма был посвящен принятию присяги и прохождению по Красной площади так называемого Интернационального полка (там сражались сочувствующие СССР поляки, австрийцы, чехи), однако по непонятным нам причинам сведения об этом полку и его участии в боевых действиях в общедоступных источниках отсутствуют, а кадры его участия в параде впоследствии никогда не использовались.

В итоге мы приходим к парадоксальному резюме: сам факт парада в ноябре 1941 г. оказал уникальное пропагандистско-патриотическое воздействие на массовое сознание — и во время войны, и после нее, а вот фильм об этом параде — нет! Не столь парадоксальную ситуацию мы имеем с другим парадом, проходившим в тот же день, 7 ноября 1941 г., но не в Москве, а в Куйбышеве (ныне Самара), так называемой «резервной столице СССР», куда к тому времени были эвакуированы многие правительственные учреждения. Здесь в пропагандистско-мемориальном плане в равной мере не сработали ни само событие, ни его экранная версия. Местом парада становится «столица-клон» (а, что, значит, Москву — сдадут?), где парад принимает неудачник в боях с немцами на Северо-Западном направлении Ворошилов, а перед трибуной проходит явно устаревшая танковая техника — все это не воодушевило ни советских граждан, ни иностранцев (о параде в Куйбышеве не сообщила ни одна из американских газет). Хроникальный киносюжет производил аналогичное впечатление. Пасмурно-белесое осеннее небо, невыразительные казенные здания, явно не проявляющие воодушевление зрители (их было мало, поскольку их пускали по спецпропускам). Военные атташе и иностранные журналисты с унылыми лицами переминаются с ноги на ногу от мороза. Партийная элита на трибуне тоже выглядит не соответствующей драматическому моменту. Замерзший Калинин во время выступления Ворошилова сначала сморкается, потом поворачивается спиной и отходит куда-то назад, здоровается с кем-то сзади; партийный чиновник рядом с Ворошиловым надевает вязаные перчатки. Сам Ворошилов читает свое выступление по бумажке — и при этом говорит очень казенно, косноязычно («труженики интеллигентного труда»). Судя по лицам стоящих в строю солдат, происходящий ритуал не вызывает у них ни энтузиазма, ни пиетета. Безусловно, такой парад не предполагал «победного» пафоса, но смотря фильм о нем, нас не покидает ощущение, что мы присутствуем на второстепенном, «дежурном» мероприятии, удаленном от главных событий.

Прошло три с лишним года, и настало время для настоящих победных парадов. Первый из них, крайне редко воспроизводимый в нашей официальной иконографии прошел 4 мая 1945 г. в Берлине. Сюжет с этим парадом вошел в спецвыпуск кинохроники «Знамя Победы над Берлином водружено!». Его режиссер — знаменитый Ю. Райзман (в это время он уже монтирует большой пропагандистско-эпический документальный фильм «Берлин»). Весьма скромный по числу участников, этот парад поразителен по историческому антуражу. Настоящим «образом Победы» выглядит проезд танков с живописными группами солдат, сидящих и стоящих на танковой броне. Не меньше впечатляет проход небольшой парадной колонны пехоты (всего 4 бойца в шеренге) с развернутыми знаменами по разрушенной берлинской улице,

где уже есть указатели на русском языке. Да, эти солдаты разного роста и сложения, маршируют они не очень четко, но мы понимаем, что это — подлинные победители, которые еще вчера, возможно, вели бой на этих же самых улицах. Вскоре часть кадров этого парада (проезд танков) был включена в вышеупомянутый фильм «Берлин» — правда, в этом случае уже ни в дикторском тексте, ни по смыслу зрителю не дали понять, что это — парад, по существу — первый и самый искренний парад Победы¹. Почему это произошло? Ответ напрашивается довольно простой. Советскому руководству и лично Сталину хотелось, чтобы понятие «парад Победы» было закреплено за грандиозным и пафосным мероприятием (которое вскоре и было проведено на Красной площади 24 июня), а не разменивалось на какие-то небольшие акции, к тому же не освященные его личным присутствием.

В майском Берлине армию-победительницу олицетворял маршал Г. Жуков. Точно то же самое повторилось и четыре месяца спустя, 7 сентября, на большом параде в берлинском Тиргартене, с участием пехоты и бронетехники всех союзных держав — СССР, США, Великобритании и Франции. Мы не будем всерьез рассматривать различные недокументированные версии замысла этого парада — приуроченного к окончанию Второй мировой войны. По одной из них парад планировался как аналог знаменитого парада 1814 г. в Париже после победы над Наполеоном, и приехать туда должны были главы стран коалиции, в частности, сам Сталин. Даже если бы такой замысел существовал, шансов на его реализацию не было: после демонстрации американского «ядерного кулака» отношения Сталина с партнерами по коалиции серьезно испортились, к тому же у него начались сильные проблемы со здоровьем. В реальности уровень государственного представительства стран-союзниц был определен на уровне командующих группировками войск (Эйзенхауэр — Монтгомери — де Латр де Тассиньи — Жуков), но и этот уровень выдержан не был. В итоге советскую сторону на параде представлял, как и планировалось, Жуков, от американцев присутствовал генерал Паттон, от Великобритании — генерал Робертсон, от Франции — генерал Кениг.

На съемках парада 7 сентября работала большая группа операторов (И. Комаров, Е. Лозовский, Б. Макасева, И. Панов) — что свидетельствует о намерении подготовить серьезный сюжет. Что, собственно, и подтверждается пятью частями смонтированного материала (свыше 1000 м позитива), хранящимися в РГАКФД. Однако в итоге все ограничилось 3-х минутным сюжетом в журнале «Новости дня» № 29.

Отсутствие дикторского текста в фонограмме всего киножурнала объясняется тем, что это — заготовка, которая посылалась на национальные киностудии СССР для последующего озвучивания на национальных языках (хотя вопрос, почему именно она, а не русскоязычная версия, осталась храниться в архиве — все равно не снимается).

Итак, кому и по каким причинам не понравился этот парад и фильм о нем? Логичнее всего предположить, что решающую роль сыграли аргументы политической конъюнктуры. В сентябре 1945-го пропаганда военного братства между бывшими союзниками стала неактуальной. Кроме того, в явно нежелательной (для того же Сталина) ипостаси предстал маршал Жуков². Во-первых, именно и только он, в мундире, увешанном орденами, олицетворял собой советское руководство. Во-вторых, командовал парадом британский генерал Э. Нэйрс, Жуков парад принимал. Вместе с Нэйрсом они в открытой автомашине объехали построенные для парада войска — что тоже как-то не ко времени символизировало военное единство СССР и Великобритании (к этому дню Черчиллем уже разработан план Operation Unthinkable о гипотетической войне с СССР, и Сталин об этом знает). Речь Жукова перед началом парада, в которой говорилось об общем вкладе союзников в победу над Гитлером и укреплении союзного братства, по уже приведенным соображениям, в сюжет киножурнала не вошла. Показательно, что «отбракованным» оказался и большой «довесок» собственно к парадному сюжету, а именно встреча и фотографирование Жукова с советским генералитетом в Берлине после парада, где Георгий Константинович в белом, контрастном по отношению к темной униформе всех присутствующих, кителе сидит в центре генеральско-маршальской «массовки». Надо ли напоминать, кто еще в это время появляется на публике в белом маршальском кителе и занимает центр композиции?

Вообще же говоря, сам сюжет об этом параде производил довольно странное впечатление. Войска двигались по длинному и прямому, как стрела, Шарлоттенбургскому шоссе (ныне улица 17 июня), окаймленному деревьями, от Колонны Победы к Бранденбургским воротам. Какие-либо другие архитектурные сооружения (городские здания) в кадр не попадают. Зрителей очень мало, на общих планах их просто не видно. На общих планах значительную часть кадра занимает погожее осеннее небо. Из-за всего этого создается впечатление, что парад проходит на какой-то искусственно сконструированной натуре, отгороженной от израненной войной Берлина... Запоминаются портретные планы советских солдат-знаменосцев — их простые, естественные и вместе с тем исполненные достоинства лица. Запоминается, что Паттон на голову выше коренастого, корпулентного Жукова. И конечно — колонна новых советских танков ИС-3, газующих мощными двигателями, при появлении которых Жуков бросает горделивый взгляд на Паттона. Но в итоге создается впечатление, что этот парад — не что иное, как расстановка фигур перед новой «шахматной партией» военных и политиков.

Могло ли быть по-другому? Можно ли было показать совместный военный парад уже готовых к новому переделу мира держав как миролюбивое и исполненное симпатии друг к другу событие? Оказывается, можно. На наш взгляд, это заметно в кадрах советской кинохроники парада 19 августа 1945 г. в Вене — который тоже, к сожалению, не вошел в хрестоматийную иконографию Победы. Его составили сюжет в киножурнале «Новости дня» № 26 и несмонтированный материал кинолетописи.

1 В книге В. Фомина «Цена кадра. Советская кинохроника 1941–1945 гг.» приводится свидетельство о показе фильма Ю. Райзмана «Берлин» в Польше, во время которого «картина парада Победы вызывает непосредственные аплодисменты зрительного зала» [3, с. 1037]. Однако при просмотре фильма ясно, что речь идет о кадрах военного парада 1 мая 1945 г. на Красной площади, где присутствовал Сталин, Буденный, Берия и др. Именно этот фрагмент хроники и используется как браунирская кода в финале фильма «Берлин».

2 Жуков «часто встречался с Эйзенхауэром, пригласил его в августе 1945 года в Москву... давал много интервью и пресс-конференций иностранным журналистам. Касаясь своей роли, заявлял о своем выдающемся вкладе в победу над Германией» [4, с. 759–760].

Начнем с того, что полноправным участником этого парада является Вена — старинный европейский город, площадь Шварценбергплац. Именно он формирует дружелюбное внутреннее пространство этого парада, который больше напоминает фестиваль военных оркестров. Конечно, без марширующих шеренг пехоты не обошлось, но главный объект внимания — это музыканты: русский оркестр с полным набором духовых, где выделяется совсем маленький флейтист, американцы и, конечно, британцы. Последние — это, видимо, сипаи, с эффектным тамбур-мажором, за которым гордо шествует полковой талисман — длиннорогий козел. Командиры союзных войск (а это советский маршал И. Конев, американский генерал М. Кларк, британский генерал Р. МакРири и французский М.-Э. Бетуар), как им и положено, стоят на трибуне, но даже в этом случае они выглядят не слишком официально.

Ил.4. Парад 19 августа 1945 г. в Вене

Явную симпатию вызывает группа американских военных, с двумя молодыми женщинами в центре, которые стоят в группе зрителей. В черновом материале, который, к сожалению, в сюжет киножурнала не вошел, есть и более выразительные кадры зрителей. Так, мы видим группу из советских военных и женщин (видимо, их жен), они немного стесняются, но проявляют искренний интерес и улыбаются в камеру. Есть колоритная группа военных-французов с седобородым ветераном в центре. Наконец, есть прекрасные портретные кадры — молодых советских солдат из группы почетного караула и американки, военнослужащей подразделения Американского Красного креста. Если сделать стоп-кадр, то на одном из общих планов можно прочесть надпись на транспаранте: «Да здравствует победа англо-советско-американского боевого союза над немецко-фашистскими захватчиками!». К сожалению, уже с осени 1945 г. такие транспаранты практически перестали попадать в кадр. Вместе с ними на десятилетия невостребованным для советских юбилейных монтажных фильмов оказался и уникальный материал кинохроники, запечатлевший совместные парады союзников. Впрочем, можно надеяться, что благоприятная политическая конъюнктура еще позволит этому материалу занять подобающее место в иконографии Победы.

Литература

1. История советского кино в 4-х тт. 1941–1952. М.: Искусство, 1975. Т. 3. 318 с.
2. Трояновский М. А. ...С веком наравне: дневники, письма, записки. М.: Росспэн, 2004. 303 с.
3. Фомин В. И. Цена кадра. Советская кинохроника 1941–1945 гг. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2010. 736 с.
4. Рыбас С. Ю. Сталин. М.: Молодая гвардия, 2015. 901 с.

References

1. Istoriya sovetskogo kino v 4-h tt. 1941–1952 [The history of soviet cinema in 4 vols. 1941–1952]. M.: Iskusstvo, 1975. Vol. 3. 318 p.
2. Troyanovskij M.A. ...S vekom naravne: dnevniki, pis'ma, zapiski [With the century on a par: diaries, letters, notes]. M.: Rosspen, 2004. 303 p.
3. Fomin V.I. Cena kadra. Sovetskaya kinohronika 1941–1945 gg. [The price of the frame. Soviet newsreels 1941–1945] M.: «Kanon +» ROOI «Reabilitaciya», 2010. 736 p.
4. Rybas S. Y. Stalin. M.: Molodaya gvardiya, 2015. 901 p.